дольним, соединяя эти миры. Все многообразие цветов в мире говорит об отношении к Софии, к небесному свету. Солнце – и тьма пустоты в мире чувственном; Бог, София – и тьма кромешная, тьма метафизического небытия в мире духовном – такова символическая мифология цвета у П.Флоренского.

Для человеческого (тварного) мира София – средоточие творческой энергии, оплодотворяющей искусство. «София есть Красота», – заключает П.Флоренский.

Таковы эстетические воззрения выдающегося мыслителя XX века П.А. Флоренского. Высокое духовное начало было основой и жизни, и творчества философа и русского православного священника отца Павла Флоренского.

Список литературы

1. *Флоренский П.А.* Иконостас. – М.: Искусство, 1995.
2. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины / Собр. соч. в 2 т. – Т. 1. – М.: 1990.
3. *Флоренский П.А.* Обратная перспектива / Собр. соч. в 2 т. – Т. 2. – М.: 1990.
4. Священник *П. Флоренский.* Собрание сочинений. – Т. 1. Статьи об искусстве // Под общей ред. Н.А. Струве. – Париж: 1985.
5. *Флоренский П.* У водоразделов мысли. – Собр. соч. в 2 т. – Т. 2. – М.: 1990.
6. *Флоренский П.* Символическое описание. – М.: 1922.
7. *Флоренский П.* Особенное. Из воспоминаний П.А.Флоренского. – М.: 1990.

УДК 111.852

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО

А.П. Воеводин
Луганск, Украина

Среди социальных институтов, управляющих массовым поведением людей в обществе (экономика, политика, право, религия, мораль, искусство, образование и воспитание), эстетические процессы занимают исключительно важное место. Бесспорный факт состоит в том, что ни один вид социальной активности невозможен вне его эстетического оформления. Эстетические процессы пронизывают собой все сферы социальной жизни, составляют неотъемлемый элемент не только интеллектуальной и духовно-практической деятельности, как это обычно принято думать, но и любого вида социальной деятельности, утилитарно-практической в том числе.

Вместе с тем, в эстетической теории данный факт не нашел еще своего удовлетворительного объяснения. В подавляющем большинстве теоретических концептов эстетического наблюдается лишь поверхностная фиксация отдельных форм его внешнего обнаружения вне связи с конкретно-практической деятельностью людей. Несмотря на то, что общепризнанным, и даже модным, стало подчеркивание метакатегориального статуса термина «эстетическое», в теоретических дискуссиях и в повседневной практике эстетической деятельности все еще остается живучей школьная, а в основе своей дилетантская, традиция отождествления эстетического с прекрасным, то есть, сущности с одним из ее возможных проявлений. Как известно, сущность и явление никогда не совпадают –

Солнце «всходит», но Земля вращается, цена есть иррациональное выражение стоимости товара и т.п. Если бы сущность и явление совпадали, то наука была бы излишней, т.е. все сразу бы усматривали суть вещей (законы). Подобное некритическое возведение заблуждений обыденного (читай «ложного») сознания в ранг теоретического императива закрывает путь к пониманию действительной роли эстетического в жизни общества, сводит эстетические процессы к сфере бесполезных, хотя и приятных изобретений человечества («Какой красивый голос!», воскликнул эстет, услышав крик – «На помощь!»). Не случайно, эстетическое в большинстве работ рассматривается лишь как эпифеномен социальных процессов, особого рода сопутствующее удовольствие, что находит свое теоретическое выражение в разнообразных специфически духовных, чувственных, гедонистических, зрелищных, развлекательных, компенсаторных, психотерапевтических, выразительных, самоцельных, трансцендентно-ценностных и прочих трактовках эстетического, как якобы специфической формы проявления свободы и независимости человека от окружающей среды, от природной (естественной) и социальной необходимости.

Нельзя не видеть, что характерной чертой большинства рассматриваемых концепций эстетического является акцентирование его самоценного, а в сущности своей *созерцательного*, то есть пассивного, внешнего по отношению к предметно-преобразующей деятельности характера. Более того, указание на самоценность (Аристотель), «незаинтересованность» (Кант), самоцельность (Гегель), бескорыстность (Чернышевский), выразительность (А.Ф.Лосев, А.Моль) рассматривается многими как исключительный, качествообразующий признак эстетических процессов. Особенно показательна в этом отношении наиболее распространенная в европейской и отечественной философской традиции гносеологическая трактовка эстетического, в которой последнее классифицируется как особого рода чувственное созерцание, в лучшем случае, как знак внутреннего или способ удвоения (самоузнавания) духовного в формах внешнего мира. Подчеркивание принципиально непрактического, антиутилитарного, характера эстетического, которое исторически сложилось в европейской философской и художественной культурной традиции, автоматически выводит и науку о нем (эстетику) в сферу особого рода интеллектуального развлечения, «разумного безумствования» (Кант), обобщения, выводы, правила которого не принципиальны и, тем более не существенны, для практического и художественного преобразования мира. И как бы эстетика (или эстетики!) не притязала на свою социально-практическую значимость, не приписывала сама себе статус метатеории, ее положение в системе наук остается крайне двусмысленным: вроде бы все осознают и понимают ее значимость, хотя бы потому, что она является древнейшей из наук, а общество, как известно, ничего бесполезного не сохраняет, но вместе с тем никто не может доказать ее действительную социальную полезность, как, например, социологии или политологии. Парадоксальность ситуации, в которую сама себя поставила эстетика, состоит в том, что эта древняя, гордая и даже надменная в своей загадочности особа является, одновременно, и самой категориально бедной и беспомощной из всех наук. Что это за профессия – эстетик? Не случайно в государственном реестре (социальном классификаторе) профессий мы не найдем такого определения, так как не ясна социальная функция, практическая значимость ни эстетики, ни эстетического. И это несмотря на факт существования десятков государственных и частных институтов, множества специалистов профессионалов и даже специального министерства, изо дня в день занимающихся исследованием и планированием применения прикладных функций эстетического: от фольклора и внешнего

оформления окружающей среды до его роли в воспитании молодежи и манипулировании сознанием и поведением людей в обществе. При этом не принимается во внимание, что декларируемый «незаинтересованный» характер эстетического отношения, по сути дела, противоречит факту социальной значимости эстетического, его огромной роли в экономике, религии, политике, нравственности, а, в целом, в воспитании и идеологической борьбе. Если эстетические процессы носят «бескорыстный» характер, то как они (в частности, искусство) могут быть полезными или вредными для общества? И, наоборот, если эстетические явления обладают социальной значимостью, то почему они носят столь странную «бескорыстную» окраску?

Цель работы как раз и состоит в постановке и уяснении вопроса о социально-практической функции эстетического как особой сферы социума, не менее значимой, чем политика, религия, мораль, право и т.п.

В этой связи важно обратить внимание на семантическую многозначность и фактическую двусмысленность термина «эстетический» (от греческого aisthetikos – чувствующий, чувственный). Во-первых, понятие «чувственный» означает ощущение, восприятие, некоторый перцептивный образ, как процесс и результат специфической реакции рецепторов на внешнее и внутреннее воздействие на органы чувств. Именно в указанном смысле аналогичное греческому латинское слово sensus (восприятие, чувство, ощущение) употребляется в гносеологии и психологии для обозначения умозрительно выведенной философами Нового времени и якобы самостоятельно существующей особой, специфически чувственной формы познания. Оставляя в стороне критику внутринаучных и культурологических последствий столь радикального размежевания чувств и разума, понятийно опосредованной и непосредственной форм познания, до сих пор являющейся одним из принципиальнейших оснований европейского канона рациональности и на протяжении четырех веков упорно кочующей из учебника в учебник, укажем на то, что привлечение Баумгартеном дополнительного термина «эстетика» имело своей основной задачей объединить в одной научной дисциплине и теорию чувственного познания (внешних ощущений), и теорию художественного деятельности, искусства, вкуса (внутренних ощущений, эмоциональной рефлексии, в определении Д.Юма). Таким образом, и это во-вторых, понятие «чувственный» стало означать также и страсть, аффект, эмоцию, хотя в психофизиологическом смысле перцептивный образ и эмоциональное состояние представляют собой различные, относительно самостоятельные формы психической деятельности. Тем самым, понятие «эстетический» (чувственный) изначально вводилось как двусмысленное,то есть фактически неопределенное, понятие и продолжает оставаться таковым до сих пор. А на неопределенности, как известно, ничего построить нельзя.

Со всей очевидностью это продемонстрировало дальнейшее развитие эстетики, которое продолжалось в категориальном фарватере философского знания и, прежде всего, его гносеологической проблематики, что, естественно, вело к «самоочищению» эстетического знания от психологического и телеологического анализа эмоциональной составляющей эстетического образа как инородной, чуждой истинному познанию («Прекрасное есть истина в чувственной форме», Гегель) и что фактически означало отказ от задумывавшегося синтеза в рамках новой науки. Спекулятивное исследование эстетических процессов в рамках философского категориального синтеза в ущерб созданию собственного категориального поля эстетической науки, адекватного предмету и задачам его изучения, неизбежно вело создаваемую науку в теоретический тупик. Как сетовал П.В.Копнин, безуспешно пытавшийся выявить специфику эстетического путем

сравнения художественной образности с понятием, искусства и науки, – «Вплоть до наших дней перед эстетикой стоит задача органически связать эти два различных момента и создать либо такую теорию познания, которая стала бы теорией искусства, либо такую теорию искусства и художественной деятельности, которая была бы и ее теорией познания и логикой» [1, с. 263]. Тем самым, теоретическая попытка объединить в одной научной дисциплине теорию познания и теорию искусства привела, как известно, к доминированию философской гносеологической традиции в понимании эстетического за счет фактического игнорирования эмоционально-психологических основ этого феномена и завершилась теоретическим поражением гносеологической концепции эстетического во второй половине XX столетия.

Таким образом, ключевой проблемой в теоретической интерпретации тайны эстетического очарования остается загадка эстетической эмоции, ее специфики и роли в жизни человека и общества. Эстетические процессы суть эмоциональные процессы, а не гносеологические, хотя и не возможны, как самостоятельные, без последних. И это также бесспорный факт: люди украшают вещи, среду обитания, пищу, свое тело и одежду, телодвижения, речь, все виды социально-практической и информационной деятельности, спортивную сферу, религиозные, нравственные, политические и прочие отношения, эстетически моделируют в стремительно развивающейся системе видов и жанров искусства общеинтересные типические ситуации социальной жизни, поют, танцуют, воспринимают художественные произведения, расходуют значительные материальные средства, время, энергию лишь с одной целью – переживания эмоций. Причем самых разнообразных эмоций: от ужаса и отвращения до трогательного умиления и экстатического восхищения – вплоть до создания новых, небывалых еще эмоций. Эстетическая сфера это не только чувство прекрасного, но, в большинстве своем, вся неисчерпаемая палитра человеческих страстей, эмоций и чувств. И это не пустые слова. Известное нам манипулятивное и потребительское общество создало неизвестную раньше индустрию досуга – сферу производства и потребления человеческих чувств, а социалистический лагерь проиграл психологическую войну за контроль и манипулирование (управление) интересами и эмоциями людей. Действительно продуктивное развитие теоретической эстетики, следовательно, возможно лишь в процессе понимания и психофизиологического объяснения природы эстетических эмоций, как бы это не шло в разрез с существующей философской традицией. Устранение эмоций из сферы философско-эстетического анализа означает, в сущности, уничтожение предмета исследования.

Однако, на этом пути существует множество трудностей, и, прежде всего, предрассудков, ошибок и заблуждений обыденного сознания, ставшими, тем не менее, общим местом и даже модным клише эстетической теории и практики искусства и эстетического воспитания. Речь идет о преувеличении субъективности и уникальности человеческих эмоций. Романтическое восстание против правил, норм и ограничений в искусстве, подарившее миру образ бунтующего индивидуалиста-одиночки, оригинальное, не признаваемое масссой, творчески изобретательное мировосприятие гения, заложило мощнейшую культурную традицию ориентации людей на ценность нового, уникального, неповторимого, личностно-своеобразного, которая стала стимулом к развитию творческих способностей европейского человека. Весь двадцатый век прошел под знаменами всевозможных форм экпериментаторства в эстетической сфере. Лозунги «Я так вижу!», «Я так слышу!», «Я так чувствую!» по сей день являются идеологическим обоснованием агрессивной распущенности, воинствующей нетерпимос-

ти, крайнего субъективизма, индивидуализма и аморализма в искусстве. Всевозможные мифы о трагической непризнанности гения стали индульгенцией на произвол и оправдание субъективной исключительности не только в эстетической, но во многих иных сферах социальной жизни. Оборотной стороной индивидуализации человека стало огульное отрицание стандартности, типичности, социокультурной обусловленности эмоций и чувств, их сходство у разных людей в повторяющихся практических и эстетических ситуациях. Эстетический агностицизм, как теоретическое кредо абсолютного субъективизма и солипсизма в искусстве, как раз и вытекает из наложения теоретического табу на изучение социальной сущности эстетических эмоций.

Преодоление субъективизма и биологизаторства в понимании природы эстетических эмоций представляется возможным, если рассматривать их не изолированно, а в структуре социально-практической деятельности человека. Вне практики и целенаправленного восприятия эмоции действительно произвольны, аморфны, текучи, неадекватны, особенно в случаях их химико-наркотического стимулирования. Ситуация коренным образом изменяется, когда эмоции изучаются как неотъемлемая часть целостного психологического механизма, обеспечивающего целесообразную деятельность людей. Постоянное воспроизведение повторяющихся практических ситуаций является непременным условием жизнедеятельности общества. В свою очередь, стандартность и типичность практических форм деятельности обусловливают необходимость адекватных типических форм психологической готовности индивидов к их выполнению, которые закрепляются в транслируемых от поколения к поколению нормах культуры. Стимулирование социально (культурно) оправданных форм поведения людей осуществляется посредством эмоциональной окраски образов действительности, побуждающей и ориентирующей поступки индивидов в соответствии с ожидаемыми культурными стандартами деятельности. При этом, сами эмоциональные реакции, в контролируемой обществом культурной среде, приобретают стереотипный и устойчивый характер.

В повседневном опыте обыденного сознания люди склонны противопоставлять рациональную сферу жизни эмоциональной. Рациональной сфере обычно приписывают разумность, организованность, порядок, тогда как эмоциональной – иррациональность, непредсказуемость, хаотичность, отсутствие порядка. Мысль движется по законам логики, доступна предвосхищению и контролю, а о законах сцепления, логики развития, структурной композиции эмоций и чувств даже не принято говорить. Исключение составляют специальные искусствоведческие работы. Однако этот повседневный опыт, касающийся мышления и эмоций, вводит в глубокое заблуждение. Как утверждает известный польский исследователь эмоций Я.Рейковский, «Есть основания считать, что все обстоит как раз наоборот – что именно мышление может протекать свободно, неопределенно и непредсказуемым образом, тогда как эмоции подчиняются весьма жестко определенным причинам, будучи совершенно «несамостоятельным» звеном в цепи причинных связей» [2, с. 353]. Управляемый эмоциями человек в значительно большей мере подчинен не зависящим от него факторам, чем человек, который руководствуется сознательными намерениями и самостоятельно составленной, хотя и не без участия эмоций, программой действий: «...все, что в деятельности человека является новым, оригинальным, творческим, то есть, не поддающимся предсказанию, представляет собой результат работы мысли, тогда как все, что обусловлено эмоциями, является весьма стереотипным, устойчивым и – несмотря на разнообразие форм – сходным» [2, с. 353].

Стереотипность эмоций есть результат культурной организации совместной целесообразной деятельности людей. По мнению специалистов в области психофизиологии эмоций Я.Рейковского, П.В.Симонова, Г.Х.Шингарова, эмоции являются формой представительства потребностей в коре головного мозга: оценивают биологическую и социальную значимость воспринимаемого объекта и стимулируют деятельность организма в соответствующем оценке направлении. Эмоциональный процесс вызывается факторами, значимыми для индивида. Такими факторами являются прежде всего физические воздействия на органы чувств. Врожденные *ключевые* (базовые, в другом определении) эмоции, которые обслуживают три основные группы инстинктивно обусловленных мотиваций – самосохранения, свободы и познания окружающего мира [3, с. 29], организуют адекватную обстоятельствам функциональную систему реагирования организма. Под давлением системы общественного воспитания врожденные эмоции трансформируются в *ведущие* эмоции или интересы, адекватные соответствующей культурной среде или системе норм и ценностных ориентаций конкретного общества. Сознательно организованные ведущие эмоции приобретают устойчивый стереотипный характер и влияют на поведение индивида на протяжении всей его жизни. Социальные эмоции (чувства) воспитываются в людях так же, как и понятия, способность думать.

Предметно общество состоит из людей и продуктов их деятельности. Движение общества выражается во взаимодействии людей. Источником социальной активности, побуждающим людей к действию и определяющим вектор, направление социальных преобразований, являются социальные интересы. Интересы формируются на основе врожденных биологических потребностей под давлением внешней культурной среды и представляют собой их дальнейшее развитие и трансформацию в соответствующие уровню развития общества культурные формы. Психологическая структура интереса складывается из перцептивного (чувственного) или абстрактно-символического образа и эмоции, соответствующей значимости объекта в жизни человека и общества. Эмоции являются естественной формой обнаружения (переживания, ощущения) потребности или интереса, а, следовательно, психологическим механизмом стимулирования нужных обществу форм социальной деятельности людей.

Реализация интересов в целесообразной деятельности требует ситуативной оценки возможности средств достижения репрезентируемых интересами целей. Функционально оценка соответствия средства цели осуществляется *производными* положительными и отрицательными эмоциями, которые онто- и филогенетически являются более поздними, ситуативно изменчивыми и связанными с формированием разнообразнейших эмоциональных модальностей. В этой связи, важно преодолеть преувеличение субъективности эмоциональных оценок действительности. Во-первых, каждый физический раздражитель, воспринимаемый экстеро- и интерорецепторами, способен вызвать эмоцию, причем обусловленный им уровень возбуждения, знак и качество эмоции определяются качественными и количественными свойствами сенсорного раздражителя: его интенсивностью, продолжительностью, модальностью, числом повторений. Во-вторых, в целесообразных практических ситуациях, объективность эмоциональной оценки определяется объективностью отношения средства к достижению цели: одна и та же вещь в различных обстоятельствах может вызывать взаимоисключающие оценки (например, вода по отношению к потребностям выживания организма в пустыне и на морозе; война освободительная или захватническая и пр.). Качество эмоции не является всецело субъективным, а зависит, прежде всего, от физических особенностей взаимодействующих вещей, их спо-

собности приводить к достижению желаемого результата. Поэтому эмоциональные оценки могут претендовать на всеобщность и необходимость, а также правдивость, с оглядкой на объективность отношения средств и цели. А это значит, что они доступны логической экспликации и имеют объективные основания для логического анализа и столь же объективные критерии практической оценки. Как показывают психологические эксперименты «такие, казалось бы интимные и не доступные изучению явления, как субъективное значение отдельных эмоций и взаимоотношения между ними, могут быть подвергнуты объективному анализу и достаточно строгому измерению» [2, с. 169].

Таким образом, эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта, путем определения значимости внешних и внутренних факторов осуществления его жизнедеятельности. Отсюда следует, что социальная регуляция – это, прежде всего, эмоциональная регуляция, управление потоками интересов людей посредством специально создаваемых в обществе систем эмоциональной окраски образов: политической, религиозной, нравственной, утилитарно-практической, эстетической и т.п. Соответственно видам социальной деятельности классифицируются и эмоции. Это становится возможным потому, что на основе врожденных безусловных эмоциональных раздражителей в обществе создаются специальные условные, знаковые или нейтральные системы возбуждения эмоций. В этом смысле можно говорить, что все сознание условно. Нейтральные раздражители начинают предвосхищать значимые раздражители в результате образования условных рефлексов или благодаря механизмам генерализации.

Эстетические эмоции не являются врожденными, а также образуются на основе последних в процессе обобщения практических процессов (утилитарные образы) и образования специфической знаковой системы их воспроизведения (эстетические образы). Эстетическая эмоция – это искусственно вызванная и сознательно смоделированная эмоция. Этим объясняется ее самоценный, незаинтересованный, бескорыстный характер. Благодаря специально культивируемой обществом системе эстетических образов становится возможным эстетическое моделирование различных сфер социальной жизни. В процессе искусственного воспроизведения социальные эмоции неизбежно обобщаются, типизируются, очищаются от случайных, т.е. не соответствующих характеру эмоции компонентов, приобретают особую притягательность и интенсивность – «сотри случайные черты и ты увидишь – мир прекрасен» (А.Блок). Соответственно создаются специализированные виды эстетической деятельности по искусственному моделированию самых разнообразных эмоционально насыщенных фрагментов социальной жизни и окружающей действительности – виды и жанры искусства, с целью построения адекватной задачам общества системы эмоциональных оценок действительности. Важно подчеркнуть, эстетическому моделированию подлежат любые эмоции, в том числе и религиозные, ощущение сверхъестественного. А это означает, что эстетическая деятельность в сущности своей отвечает потребностям общества в воспитании социальных эмоций и, тем самым, является не только условием регулирования поведением людей в обществе, но и основой любого воспитания вообще.

Известно, что эмоциональный опыт индивида гораздо шире, чем опыт его индивидуальных переживаний. Он формируется в результате целенаправленных усилий того или иного общества по организации адекватных культурным установкам и задачам общества коллективных форм деятельности и поведения людей. Эстетическая деятельность, как специализированная сфера искусственного возбуждения эмоций, становится важнейшим социальным механизмом познания, отбора и культивирования отвечающих потребностям социального раз-

вития социальных форм чувственности. Особенно важное значение приобретает эстетическое оформление воспитательного процесса. В отличие от образования, воспитание как раз и представляет собой процесс управления эмоциональным развитием человека. Поэтому воспитание не может не быть эстетическим. Эстетика – есть грамматика чувств, а эстетик, как профессионал, должен быть не праздным философом, а специалистом в сфере управления социальной чувственностью. И если эстетика претендует на статус науки о чувственной культуре общества, то эстетикам надо засучивать рукава и приступать к изучению логики становления, типологизации, классификации, содержательной структуры всех форм человеческой чувственности.

Эстетическое воспитание представляет собой культурную, ненасильственную, притягательную и завораживающе-увлекательную форму преобразования врожденных биологических эмоций в сложные системы социальных чувств, обеспечивающих социальное поведение и активность человека. Гуманистический характер эстетического воспитания делает его в современных условиях незаменимым средством социализации индивида и управления его поведением в обществе. Свободный и творческий характер эстетической деятельности обусловливает в конечном итоге необходимые и социально оправданные формы деятельности людей. Именно в этом состоит полезность бескорыстной эстетической эмоции и именно в этом смысле следует понимать слова М.Горького об эстетике как этике будущего. Хотя, конечно же, искусственное управление эмоциями создает возможность для разного рода способов манипулирования интересами и поведением людей, что особенно наглядно демонстрируют современные политические технологии, мода, реклама, шоу бизнес и пр. Поэтому нельзя недооценивать эффективность эстетических разновидностей идеологического оболванивания масс, социальную избирательность и результативность эстетического оружия. Поэтому регулятивная функция эстетического, его потрясающая способность воздействовать на поведение широчайших масс людей должны, наконец, получить свой социально-правовой статус как в системе социального знания, так и в системе форм государственного управления и регулирования.

Список литературы

1. *Коппин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М.: Наука, 1974.

2. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. – М.: Прогресс,1979.

3. *Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность. Мотивационно-эмоциональные аспекты. – М.: Наука, 1975.

УДК 130.2

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.И. Зиннурова
Симферополь, Украина

Под культуротворческой функцией подразумевается созидание высокодуховных, нравственно безупречных, в определенной мере совершенных объектов в искусстве, философии, науке, а также формирование неких особенных и